Андрей Вознесенский

ВСТРЕЧА ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

ТРЕБУЮТСЯ ПОДВИЖНИКИ!

«Хотелось бы встретиться на страницах вашей газеты с поэтом и публицистом Андреем Вознесенским» — с такой просьбой к нам в редакцию обратился читатель В. Голубев из Владимира. Подобные просьбы мы получили также и от Е. А Ковыловой из Москвы, Н. А. Шувалова из Краснодара, З. А. Смирновой из Ленинграда и многих других наших читателей Недавно поэт выступал в Ленинграде с авторскими вечерами в четырехтысячном зале «Октябрьский». Поэтому с путешествия в Ленинград и начался наш разговор с поэтом, который ответил на вопросы читателей.

— Расскажите, пожалуйста, о ленинградских встречах.

— Каждая встреча с Ленинградом духовно заряжает. Его культура многослойна — это незримое присутствие Д. С. Лихачева, молния Темирканова, изящество строфы Кушнера, новый кинематограф Германа, авторские песни Гребенщикова. Потрясает триптих «Братья и сестры»—«страсти по Федору Абрамову», кровоточаще откровенно поставленные на сцене Л. Додиным,— сегодняшняя ступень правды!

«Октябрьский» хорош не только акустикой. Не то важно, сколько душ в зале,— важно, какие это души. Было много серьезных, острых записок.

Люди хотят больше гласности, хотят больше знать. Просили больше почитать из последних стихов—«о гидре бюрократизма» и других, из прежних — «Порнографию духа», «Очередь» и «Плач». Как хочется, чтобы эти стихи перестали быть актуальными!

На втором вечере из глубины зала крикнули, попросив прочитать «Сон», посвященный русским лесам и рекам. Людей тревожит их судьба.

После таких вечеров понимаешь, что чего-то, может быть, главного, ты еще не написал.

Записки — стихи зала.

Группа, снимающая фильм о Филонове, попросила прочитать стихи, посвященные художнику.

В одной из записок спрашивали, зачем автору статьи, недавно напечатанной «Литературной газетой», понадобилось походя «разделаться» с Тыняновым и Шкловским?

У нас есть ныне прекрасные писатели и поэты, чьи строки будят совесть и разум, есть голоса мирового значения, чьи книги необходимы людям. Их книг не достать. «Неподкупное мнение читателя», по выражению Блока, и определяет подлинность произведений.

Читатель — наше уникальное национальное богатство. Среди невосстановимых экологических духовных ценностей — эта наиболее драгоценная. Отсюда и такая ответственность на сегодняшней литературе уже не только перед отечественной, но и перед мировой цивилизацией — не отвратить его от книги, не отравить серостью, ложью.

О наших недостатках, проблемах, злоупотреблениях, о байстве и краснобайстве читатель узнает, увы, не из литературных журналов, а из газет. Неужто миссию Гоголя взяли на себя газеты? Журналы и издательства перестраховывались, отдав эту тему на откуп развлекательным детективам. А проанализируй писатель глубину этого явления — может, порок так бы не расцвел.

— Что дают вам записки из зала, непосредственное общение с аудиторией?

— Понимание мыслительных процессов. Не все радуют. Недавно в подмосковном Доме ученых я зачитал записку: «Мне очень понравились ваши стихи «Восстановите Сухареву башню...» в «Советской России». Спасибо вам. Но... как вы могли упомянуть рядом башню Татлина?!» И далее следует брань по адресу Татлина...

Как типична эта одноглазая безапелляционность, это «мне не нравится — значит, надо уничтожить, запретить!», «я не понимаю — значит, народ не понимает, народу это не нужно!»... Многих современников и Сухарева башня раздражала, они видели в этом первенце петровской НТР иностранщину, сочиняли похабели, проклинали генерал-фельдмаршала Брюса, чьей обсерваторией она была, обзывали колдуном и алхимиком, хотели спалить.

В татлинскую башню был влюблен Маяковский, в 1925 году в Париже она принесла нашей стране славу, повлияла на мировую архитектуру. Чего пугаются перестраховщики при имени Татлина? Революционной романтики? Его самодельных крыльев «Летатлина»? Или того, что нынешние молодые увлекутся духовным порывом творчества 20-х годов и вместо стояния в подъездах станут конструировать новые дизайны?

Помню, в Милане в выставочном салоне царил экспонат из черного «зернистого» металла под номером 337-S. «Настольная лампа». Производство фирмы «Артелуче». Сверхсовременная грациозность и безупречность вкуса выделяли ее среди соседок. Она сияла среди них, как подлинная Нефертити среди рыночных глиняных кошек. Ей присудили Золотую медаль на 15-й Бьеннале дизайна. Под ней табличка с надписью: «Авторский дизайн. Родченко. 1925».

Какую гордость я испытал, глядя на нее, и одновременно какой стыд!

Выходит, 61 год наши хозяйственники игнорировали этот проект. 61 год выпускаются светильники, крашенные бронзой, стиля «китч», аляповатые торшеры, которые не покупаются, уродуется быт миллионов людей. Почему для интерьера в суперсовременных отелях мы закупаем у Италии, ФРГ и Финляндии арматуру, смоделированную в стиле Родченко и Татлина, родоначальников дизайна? Почему наши заводы не наладят производство их по чертежам Родченко и не покорят ими мировой рынок?

«Величайшему художнику...» — написал поэт на «Мистерии-буфф», подарив ее Родченко. Его полотна, модели, великие фото, бесчисленные дизайны ютятся в комнатушках его семьи. В этом году исполняется 95 лет со дня рождения художника, соавтора Маяковского. И такого современного по стилю нам. Никто не возражает, все улыбаются, но где выставки его и Татлина?

Люди сами разберутся, что им нужно сегодня. Думаю, народ созрел сейчас, чтобы видеть и читать все. Наш век подводит итоги. Почему бы не издать, скажем, более полные собрания сочинений Б. Пастернака, Вс. Иванова? Ныне в литературе необходим творческий дух. Литература не может без глубинных открытий. Как физика не может быть только прикладной, она засохнет без открытий теоретической физики. Как хотелось бы, чтобы литераторы растратили свои таланты на создание шедевров, а не на перетряхивание грязного белья друг друга и склоки.

— В своих статьях «Прорабы духа» и «Экология культуры» вы поставили вопрос о необходимости творческих преобразований в нашей жизни, об упущениях в области культуры, о судьбах шедевров. Как обстоит дело сейчас?

— Многое делается, многое предстоит сделать. Вышла монография о К. Мельникове. Кончилась 18-летняя волокита. Спасен особняк. Будет восстановлен рухнувший купол у Плещеева озера.

На днях я пришел в Третьяковку попрощаться со старыми залами перед началом строительных работ. В статье «Прорабы духа» я писал, как гибнет, гниет старое здание. Ведомства тогда не спешили, считая это делом десятым. Ныне Москва решительно взялась за спасение Третьяковки. Вокруг будет пешеходная заповедная зона. Пушковому сердцу Замоскворечья вставляются новые клапаны.

Я шел пустынными анфиладами. Снимали последние картины. Открывались подтеки под ними. Висел один Иванов. Служительницы стояли в слезах. Операция перестройки необходима, нужна сверхбережность — ведь это операция на сердце.

По-маяковски острая была недавно телепередача «12-й этаж». Там молодежь снимала стружку с бюрократов.

Сейчас порой и бывшие «аллилуйщики» перековываются в «смелых критиков» — почуяли конъюнктуру момента. Но эта передача показывает, как важен честный, результативный разговор.

— Многие читатели просят рассказать о ваших недавних выступлениях в США.

— Программа была насыщена. Это прежде всего тяжелая физическая работа — почти ежедневные авторские вечера, в разных городах, по полтораста часа без перерыва. Если перевести на наши расстояния, получается: сегодня вечер в Москве, завтра—в Красноярске, послезавтра — в Суздале, на следующий день — в Хабаровске, и так целый месяц.

В Ричмонде после того, как я прочитал стихотворение «Живое озеро», посвященное закарпатскому гетто, расстрелянному в дни войны фашистами и затопленному водой, ко мне подошла Ульяна Габарра, профессор литературы Ричмондского университета. Ни кровиночки не было в ее лице. Она рассказала, что вся ее семья погибла в этом озере. Сама она была малышкой тогда, чудом спаслась, потом попала в Польшу, затем в Штаты. Стихотворение это в свое время иллюстрировал Шагал. На его рисунке на первом плане кричит ребенок на коленях матери. Теперь для меня это Ульяна Габарра.

Американская аудитория изменилась... В зале — вдумчивые юноши, они хотят знаний, может быть, им дано найти новое решение проблем. Наивно думать, что американская молодежь — поголовные поклонники примитивного Рэмбо. Особенно была серьезна аудитория Гарвардского университета: чутко улавливает ритм, музыку стиха и нерв, общелюдской нерв.

Вопросы в аудиториях были разные. Литературу нашу они знают избирательно, хотя часто детально. Порой знают лишь имена. Их интересовали не только имена, уже вошедшие в обиход, но и такие разнообразные явления, как Н. Клюев, М. Жванецкий, В. Маканин. Были и совсем нелепые вопросы. Например, долго ли был Высоцкий мужем Айседоры Дункан.

Америка—страна серьезной прозы. Интересные процессы происходят в литературе США. Мне кажется, речь идет о демократизации восприятия серьезных произведений. Американская большая проза вышла «на эстраду» на Бродвей. Впервые в переполненном главном бродвейском театре «Ройял» состоялась серия авторских воскресных вечерних чтений Видала, Мэйлера, Воннегута, Стайрона, Беллоу, Миллера, Апдайка и Вуди Аллена, нынешнего Чарли Чаплина, которым написано несколько книг прозы. За свои новеллы он получил премию О. Генри.

Пресса назвала это начинание беспрецедентным.

Чинные метры нервничали. Билеты на каждый из этих вечеров стоили до 250 долларов. Одновременно с художественной элитой непонятно как в зал проникло множество молодежи. Перед театром стояла толпа, даже с билетом было не протиснуться. Час чистого чтения прозы. Ни вопросов, ни ответов. Никто не уходил из зала. Кроме того, программой подразумевался «таинственный гость», который полчаса представлял метров. «Гости» были главным образом редакторы журналов «Нью-йоркер», «Парис ревью» и др. Стайрон попросил меня сделать вступительное слово к его чтению. Его роман «Выбор Софи» обошел экраны с Мэрилен Стрип в главной роли. Так на Бродвее я представлял Стайрона американской публике. Меня же перед этим представил Том Вулф—основоположник «нового журнализма». Думаю, это интересное начинание. Пусть бы перед вечером Б. Окуджавы в Москве, скажем, Джоан Баез поделилась впечатлениями о его творчестве. Или Роберт П. Уоррен поговорил бы о романах В. Астафьева. Это была бы живая связь литератур— поверх барьеров.

— Е. А. Ковылова из Москвы спрашивает: «Вы много пишете о родной природе. Что вы скажете о ее защите?»

— Сейчас в этом намечаются перемены. Жаль, что охрана природы у нас рассредоточена по ведомствам. Те часто коечто прикрывают из-за своих узких интересов. Почему бы Госкомгидромет, который подвижнически защищает природу, но не имеет достаточно прав, не преобразовать во Всесоюзный комитет по охране природной среды, наделив его чрезвычайными полномочиями?

— И, наконец, большинство читателей «Советской России» задают традиционный вопрос о ваших творческих планах, о заботах в настоящий момент.

— Сдаю в издательство новую книгу стихов и прозы. Марк Захаров предлагает создать на сцене оперу по моей поэме «Сухарева башня».

Волнует судьба молодых. Мне кажется, нынешний чисто бюрократический процесс прохождения рукописи порой губит талант на корню. Это касается рукописей многих бывалых мастеров. Труден путь прохождения непривычных рукописей.

Случается, автор тратит 10 процентов жизни на написание и 90 — на пробивание в печать. Молодым же некогда ждать! Помню, в Переделкино в 1979 году приехал из Киева двадцатилетний С. Соловьев. Вскоре он опубликовал в «Литучебе» роман в стихах. Был участником Всесоюзного совещания. Все радовались дебюту! Теперь ему уже 27. Шесть лет ходит по издательствам, пытаясь напечатать первую книгу хотя бы из стихов, уже опубликованных. Его поддерживают А. Михайлов, И. Драч, Б. Олейник. Но, видно, писатели порой оказываются бессильны побороть издательский бюрократизм.

Мне кажется, почему бы не дать право признанным мастерам литературы, которые пользуются доверием читателя, самим рекомендовать к изданию талантливые книги? Таланту надо доверять.

Некоторые сейчас воспринимают честность, совесть, гласность, открытую борьбу со злом как кратковременную кампанию для «галочки», но, думается, это основной смысл и содержание людской жизни. Это вещий смысл нашей отечественной литературы.

Беседу вел
С. ЧИЧКОВ.

Сов. Россия, 1986, 23 февр., № 46.